

К ВОПРОСУ О НАПРЯЖЕННОСТИ СЛОВА

В статье представлены результаты анализа конфликтного текста с использованием понятия напряженности слова как его чувствительности к изменившимся обстоятельствам ситуации, как особого состояния, при котором активизируется потенциальная конфликтность слова. В исследовании учитывается как лексикоцентрический, так и текстоцентрический подходы.

Ключевые слова: конфликтный текст, юрлингвистика, напряженность слова.

L. M. Popkova

TO THE QUESTION OF TENSION OF THE WORD

The article represents the results of the analysis of the conflict text. The notion of tension of the word is applied to show the sensibility of the word to the changing situation and its special ability to activate potential contentiousness. Both lexical centric and text centric approaches are used in the research.

Key words: conflict text, judicial linguistics, tension of the word

Одним из центральных концептов современной юридической лингвистики является концепт **оскорбление**. В юриспруденции оскорбление определяется как умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме; оно связано с использованием инвективных языковых ресурсов.

В лингвистических исследованиях инвективные средства русского языка принято делить на два типа: инвективно жесткие и нежесткие. «Инвективно жесткие контексты — это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок» [1, с. 100]. Контексты нежесткие, или деактуализируемые, — это «контексты, в которых инвективная интенция деактуализируется под воздействием пропозициональной установки» [1, с. 100].

Связь свойства жесткости/нежесткости языкового средства с его предрасположенностью вызывать перлокутивный эффект оскорбления делает предположение, высказанное К. И. Бриневым, очень убедительным. Это предположение связано с тем, что «инвективные характеристики лексем и выражений «накапливаются» в них в результате функционирования, так что каждое инвективное слово обладает конкретной степенью предрасположенности вызвать у адресата перлокутивный эффект оскорбления» [1, с. 101]. «Тенденция к определенности места слова на шкале инвективности, — утверждает Н. Д. Голев, — вполне реальна» [2, с. 37].

Может ли значительно измениться уже устоявшееся положение слова на шкале инвективности при возрастании напряженности этого слова? Использование понятия **напряженности слова**, которое в лингвистике означает «чувствительность слова к изменившимся обстоятельствам ситуации» [3, с. 40–41], представляется продуктивным при решении вопроса об оскорбительном характере языкового средства. «Напряженность слова — это особое состояние слова, при котором активизируется его потенциальная конфликтность» [3, с. 40–41].

Обратимся к конкретному примеру. Так, 28 августа 2012 года на сайте «Псковская лента новостей» (17:16) была опубликована статья «Прокурор Псковской области назвал бывше-

го вице-спикера Х "обычным жуликом". Вслед за ней последовала и вторая – «Неподнятая целина» прокурора У» (23:50). Обе статьи, сопровождавшиеся комментариями читателей, вызвали резонанс. Достаточно сильный, чтобы 16 октября 2012 года на указанном сайте появилась новая публикация «Х потребовал с прокурора У 100 тысяч рублей за фразу об «обычном жулике» (16:10). В ней говорилось о том, что бизнесмен, бывший заместитель председателя Псковского областного собрания депутатов Х обратился в Псковский городской суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, расценив высказывание У как оскорбительное. Заключение специалиста и проведенная лингвистическая экспертиза, выполненные по указанному материалу, содержали отрицательный ответ по поводу наличия оскорбления.

Оскорбительное, с точки зрения Х, словосочетание было использовано в следующем контексте: «*«Многих почему-то очень интересует судьба господина Х. Мне кажется, мы, и СМИ в том числе, уделяем этому господину очень большое внимание. На мой взгляд, это обычный жулик. Может быть, в данном случае обремененный какими-то полномочиями — более серьезными, чем обычный Бендер», — высказал свое мнение прокурор».*

«При рассмотрении феномена оскорбления в лингвистике выделяются два подхода: текстоцентрический и лексикоцентрический» [1, с. 86]. При этом рече-ситуативное разворачивание инвективного фрейма считается задачей более сложной, чем исследование, в котором базовой единицей анализа является слово [4].

Если выполнять лингвистическую экспертизу в лексикоцентрической парадигме, то, привлекая толковые словари, можно утверждать, что жулик — это «1. Вор, занимающийся мелкими кражами; 2. раз. Тот, кто жульничает, плут, мошенник» [БАСЛРЯ V: 684–685]. Лексикографические источники обнаруживают, что указанное слово не имеет грубой формы, поскольку не является обценным, инвективным или даже грубо-просторечным. В этом случае место слова жулик на шкале инвективности останется прежним.

Если же опираться на текстоцентрический подход (в широком понимании термина «текстоцентрический»), то следует согласиться со следующим тезисом в работе К. И. Брилева: «Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления, описать саму ситуацию использования речевого акта, другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление», и нет никаких оснований помимо собственно лингвистических, которые связаны с отсутствием описания оскорбления, исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления» [1, с. 82].

Описывая речевое событие, указанное ранее, оставим словосочетание *обычный Бендер* без развернутого комментария, обратив внимание лишь на то, что движимый своими прагматическими и чисто тривиальными интересами, Остап Бендер, тем не менее, не просто герой-плут, он великий комбинатор, которого «кормят идеи». Его желание разбогатеть соседствует с романтической мечтой попасть в Рио-де-Жанейро. Плутство и демонизм органично сливаются в нем, и этот герой остается одним из самых привлекательных образов романа. Тем более что при обсуждении на сайте имя Бендера было упомянуто один раз. Ср.: «*Эх, сколько тут еще Бендеров — непаханное поле или целина! Вот и над набережной они потрудились и над Детским парком»* (23.08.2012, 20:05).

Обратимся к анализу выражения *обычный жулик*, так как г-н Х, по мнению господина У, не просто жулик, а жулик обычный, обыкновенный. Ср.: «**Обычный**. 2. Ничем не примечательный, не выделяющийся среди других, обыкновенный, заурядный» [МАС II: 581].

Проиллюстрируем возрастание напряженности слова жулик в его сочетании с определением *обычный* в ходе обсуждения читателями указанных ранее статей (все материалы приводятся со всеми имеющимися в них ошибками).

Участвующие в обсуждении не только дали традиционное определение значения слова жулик, но и постарались уточнить его семантику. Ср.: «*Жулик — человек, склонный к мошенничеству, плут. Готов участвовать в процессе в качестве свидетеля. Когда первое заседание?»* (16.10.2012, 14:12). Очень существенным семантическим признаком лексического значения указанного слова, по мнению читателей, оказался признак 'бывший', т. е. 'уже не

занимающий руководящий пост'. Ср.: «Только почему как становятся «бывшими» так можно назвать «обыкновенным жуликом», а пока в кресле сидит, пуцай тырит?» (22.08.2012, 17:49). «Уважительно по имени отчеству называли пресмыкались, на аудиенцию было не попасть... детенка просили устроить на хорошую работу и вот теперь ЖУЛИК официально! Ну как же так» (22.08.2012, 20:29). «Как они разом все прозрели! То бегали у X в шестерках, а теперь клеймят его с пеной у рта. Противно!» (22.08.2012, 18:57).

Помимо семантического признака 'уже не занимающий руководящий пост', актуальными для участвующих в дискуссии оказались и такие социально значимые (острые) признаки, как 'имеющий партийный билет', 'принадлежащий партии Z'. Ср.: «Прокурор Псковской области У на встрече с журналистами 22 августа назвал бывшего вице-спикера X «обычным жуликом». И забыл добавить очень важную деталь! Жулик с Партийным Билетом Партии Z! А так все нормально! Из партии Z X Исключили или Забыли, а вдруг еще пригодится?» (22.08.2012, 19:11). «Член партии жуликов и воров не может быть не жуликом, так что все логично!» (22.08.2012, 18:57). «Жулик, как и все в партии жуликов и воров — Z» (22.08.2012, 17:30). «А что он в одиночку обыкновенно жулил?» (22.08.2012, 19:51). «Так партия «Жуликов» и «Воров» всех их сплотила, X единственного раскусили» (22.08.2012, 20:45).

По мнению участников дискуссии, у жулика X отсутствуют честь, достоинство и деловая репутация. Ср.: «X обратился в Псковский городской суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Как можно защищать то, чего нет?» (16.10.2012, 13:31). «Репутация + Достоинство = 100 000 рублей. Репутация криминальная + Достоинство воровское = 000 000 рублей. За што судимся!?» (ЮРИСТ 16.10.2012, 18:48). «X, а у Вас разве есть честь и достоинство (конечно, если не то, что между ног)?! О «деловой репутации» вообще промолчу...» (16.10.2012, 17:30). «Видимо товарищу Габинсу в Израиле стало страшиновато... Вспомнил о «чести», «достоинстве» и «деловой репутации». Ну что, про «честь» X может всем рассказать престарелый Шматов, которого X в 2004-ом году довел до инфаркта. Про «достоинство» — X секретутки. А про «деловую репутацию» X «на том свете» припомнят все Басин, Большаков и иже с ними..» (16.10.2012, 17:40). «Скучно ему в Израиле вот он и развлекается с всякими рода защиты достоинства, да и те кто с ним вроде без дела не сидят, работают» (16.10.2012, 18:50). «Иск в суд — вид предпринимательской деятельности по получению доходов за чей-то длинный язык. Ничего личного. Только бизнес» (21.10.2012, 18:10).

Таким образом, семантическое содержание слова жулик, по данным приведенных контекстов, может быть определено следующим образом: жулик — это 'человек, склонный к мошенничеству, плут, не имеющий чести, достоинства и деловой репутации, принадлежащий /принадлежавший партии Z, но уже не занимающий руководящий пост'.

Никакого сомнения в том, что г-н X является таковым, участники обсуждения не выражают, рассуждая о его деятельности. Ср.: «Обычный ПТУшник, маляр-штукатур X обокрал псковичей с кучкой подельников, на ворованное купил диплом высшего образования и стал «уважаемым» человеком... Надо потрясти хорошенько эту машину: Псковщицепром, пчелки, импералы, еврокерамику..., но деньги наверняка уже выведены за кордон, а жаль..» (22.08.2012, 18:57). «X исполнитель четкий, а собственники в столице. Сколько любопытных идей он претворил в жизнь, не считаясь с людьми: Псковщицепром — выкуплен за сумму, заниженную в тысячу раз от реальной стоимости (данные Счетной палаты РФ), Псковвалко — создано на субсидии процветающих предприятий и организаций, кто противился — оплатился должностью и сгинул, Еврокерамика — создана на базе умышленно обанкороченного завода Псковкислотоупор (объемы запасов тугоплавких глин занимают второе место в Европе) и т. д., и т. п. Между прочим, ПЛН уже попросила прощения у X, разместив его фотографию со значком депутата Псковского областного собрания депутатов.

Дело X — это не противостояние данного фигуранта с прокурором области У, а работа «черных рейдеров» из Петербурга против Московских братков. Еще не занавес» (16.10.2012, 21:17).

«У Х отстроена «система» перевода денежных средств за бугор, от его бизнес структур в Псковской области... Только гипер. «Империал» ежемесячно переводит 40 млн. рублей ...» (16.10.2012, 13:45).

«А прокуратура не хочет проверить сколько земли Х загубил в Палкинском районе сделав ее местом для вывоза снега с реагентами. А то девочка из природоохранной прокуратуры не знает можно ли это делать, а в интернет посмотреть не может. Алекса» (26.08.2012, 10:25).

Развернувшаяся дискуссия обнаружила резко отрицательную общественную оценку деятельности г-на Х. Ср.: «Он тут не один десяток предпринимателей придушил. Всем под-на...ать успел. Можно подумать, что попытки обелить Х найдут поддержку общества. Смешно. Меру надо знать. Наворуют миллионы и отмараживаются по полной» (16.10.2012, 15:55).

Практически единодушным было мнение участников обсуждения о том, что вице-спикер Х является жуликом. Ср.: «Жулик — обиделся. Ха-ха-ха!» (16.10.2012, 13:14). «Смотри-ка какие жулики обидчивые пошли! Что Сева, что Х!» (16.10.2012, 14:12). Мнение, поддерживающее г-на Х, оказалось единичным: «Ну почему он жулик? Человек умеет жить!» (16.10.2012, 14:46).

Именно поэтому в дискуссии были предложены очень простые пути решения конфликта. Ср.: «Х обиделся что он ОБЫЧНЫЙ жулик? Ну, пусть будет НЕобычным жуликом...» (16.10.2012, 13:28); «ну пусть НЕОБЫЧНЫЙ... так прокатит?» (23.10.2012, 17:41); «Предлагаю У опровергнуть сказанное ранее «обычный жулик», заявив: «Х необычный жулик»» (16.10.2012, 13:27).

Имплицитное предположение о том, что Х обиделся не на слово жулик, а на то, что его назвали ничем не примечательным, не выделяющимся среди других, обыкновенным, заурядным мошенником, содержащееся в названных иронических высказываниях (как ни парадоксально), в ходе дальнейшего развертывания конфликта получило свое подтверждение.

На сайте же дискуссия развернулась вокруг антонимических парадигм *мелкий (мельничий) — крупный; обычный — необычный; обыкновенный — необыкновенный; рядовой — нерядовой*.

«Я бы на его месте тоже обиделся. Обычный жулик — это если мужик приходит в школу, обещает вести музыкальный кружок, получает под это дело баян и несет его пропивать, а потом выясняется, что он и играть то ни на чем не умеет. С Х все сложнее. Опустился он, однако, сто тыров всего запросил за свою репутацию. Или она больше и не стоила?...» (16.10.2012, 15:18).

В приведенном высказывании, помимо семантического признака ‘размер, масштабы украденного’, указан и другой признак, учитывая который, можно дифференцировать жулика обыкновенного и жулика необыкновенного. Это ‘сумма (размер) иска’. Ср.: «Ну точно мелкий жулик, Крупный Жулик и иск бы подал на лям! (16.10.2012, 15:41);

«Жулик Казаков и тот бы на двести подал бы иск, а этот Х всего на сотку — Мелковато!!!!» (16.10.2012, 15:44); «В чём отличие «жулика» от «мелкого жулика» стоит ли это отличие 100 тысяч?» (16.10.2012, 15:09).

Помимо суммы иска, важным дифференцирующим признаком оказался признак ‘необходимость возвращения украденного’.

Ср.: «Все, что было наворовано у государства, должно быть возвращено сказал У, обращаясь к «обычным жуликам». Умные слова, «необычные жулики» могут ничего государству не возвращать» (23.08.2012, 05:14).

Возможность невозвращения крупными, нерядовыми жуликами украденного объясняется, в частности, отсутствием со стороны государства попыток найти этих крупных жуликов. Ср.: «Нет, Х жулик-необычный. Он крупный жулик! Поэтому и искать его вряд ли будут. Вот Березовского до сих пор не нашли. А зачем искать приключения на ИХ высокие головы? Они все — братья по крови» (22.08.2012, 18: 37). Семантический признак ‘не преследуемый

органами власти', пожалуй, самый существенный признак, отличающий жулика крупного, необычного от обыкновенного, заурядного мошенника.

Резкое повышение уровня конфликтогенности словосочетания *обычный жулик* можно отметить в том случае, когда участники дискуссии используют синонимическую парадигму, характеризуя X не как жулика, а как вора и бандита. Ср.: «*Бизнесмен, бывший заместитель председателя Псковского областного Собрания депутатов, и просто Бандит и Вор X обратились в Псковский городской суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Так правильнее!*» (16.10.2012, 14:32). «*Вор должен сидеть в тюрьме и точка. (SIC) Да, и интересно, чем это все закончится для Каленского и Салопова. Ну и для остальных помельче*» (26.08.2012, 18:08).

«*Я всегда говорил, что это талантливый преступник. Может быть, он даже талантливей меня*» (16.10.2012, 14:47).

Рассуждения читателей о том, что представляет собой жулик обыкновенный, в чем его отличия от необычного жулика, предложения подобрать более точные, с точки зрения говорящего, синонимы *вор, преступник, бандит* увеличивают конфликтогенность слова *жулик*, ставя под сомнение отсутствие оскорбительных смыслов в первоначальном контексте и тем самым изменяя привычное положение указанного слова на шкале инвективности.

Литература

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
2. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Голев Н. Д. // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 9–46.
3. Краснянская Т. И. К обоснованию понятия *напряженность слова* в судебной коммуникации // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул, 2010. С. 40–46.
4. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 1999. С. 7–38.

Сокращения

БАСлРЯ — Большой академический словарь русского языка. Тт. 1–19... / Институт лингвистических исследований РАН. М.-СПб., 2004–2011...

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.